

В поисках грустного Аксенова

Русские писатели любят Данте. Трудно объяснить почему. Любовь, как известно, необъяснима. Вот и маститый шестидесятник, классик во плоти Василий Аксенов написал роман «Новый сладостный стиль». Так именовалась когда-то литература раннего Ренессанса. Герой Аксенова в глухие годы советской власти поставил в своем полуподпольном театре пьесу о Данте. И началось... КГБ высылает строптивого режиссера из страны, и он становится жителем США.

С этого момента проза Аксенова перестает быть своей и становится не то русской, не то американской, не то ничьей. Пожалуй, все же ничьей.

Как-то так получается, что все написанное о жизни наших за бугром, здесь совершенно не воспринимается как реальность. Может быть, потому что этот таинственный забугор в России не приживается. А, может быть, талант русских писателей, оказавшихся там, никак не может соиться с нашей печалью.

Сексуальные шалости героя, ко-

торые так весело и тепло оживляют повествования в России, вдруг становятся вычурными и пошлыми, когда то же самое происходит где-то на Брайтон-Бич. Чем-то это похоже на русский магазинчик в Нью-Йорке, где все такое русское, что кажется иностранным. Казалось бы, какая разница пить русскую водку, закусывая икрой, в Америке или в Москве. Оказывается, между красной икрой в России и тем же продуктом за границей станцией Чоп нет ничего общего. Как нет ничего общего между действием романа в России, где все живет и дышит, и продолжением того же сюжета в Америке, где ничего в полюшке не кольщется. Что-то подобное произошло с Гоголем. Как хорошо катилась бричка Чичикова, пока писатель жил в имении Аксакова, и как все забуксовало и рассыпалось, когда Гоголь оказался в Италии.

Гамлет сошел с ума «на датской почве». Но не сошел бы он с ума, оставшись где-нибудь в Виттенберге и не стал бы Гамлетом. Автор «Затворенной бочкотары» и «Острова

Крым» оказался слишком русским писателем. Попытка вырваться на волю в пампасы из русских степей привела лишь к оглушительному провалу романа-путешествия «В поисках грустного бэби». В США грустного бэби не нашлось. Там все дети счастливы и смеются, но нам-то что с того. И Аксенову от этого тоже никакой радости. Я не хочу сказать, что писатель стал писать хуже. Может быть, он пишет лучше, чем раньше. Но в литературе важно не «лучше-хуже», а точное попадание. Тургенев написал «Дым» и «Новь» не хуже «Дворянского гнезда». Просто «Дворянское гнездо» или «Затворенная бочкотара» будут согревать сердца читателей до тех пор, пока существует русская речь, а «Новый сладостный стиль» или «Новь» останутся лишь предметом изучения для филологов и литературоведов.

В который раз я перечитываю иронические стихи Аксенова, включенные в повествование, и который раз, убеждаюсь, что писатель хочет сказать что-то очень важное о траге-

дии новой эмиграции; но полная откровенность еще не вызрела. И потому вместо исповеди идет плетение словес.

Где в Вашингтоне можно / опохмелиться / На халюву, то есть как полный / бам? / Так вопрошают / без постоянного / места жительства лица, / У которых лишь зажеванный / чуингам...

Эти лица вызывают холодное чувство и не менее холодное сострадание, что угодно, только не любопытство. Их судьба читателю просто не интересна.

Я не думаю, что Аксенов уже все сказал или полностью исписался. Наоборот, ему никак не удается высказать что-то самое главное о душевном опыте последних двадцати лет. Возможно, что опыт этот слишком значителен, а потому просто так, с налету не передается. Беседы Аксенова с читателями в последнее время намного интереснее его прозы. Ему, безусловно, есть о чем рассказать. Но для этого нужен какой-то новый, сладостный стиль.